



## ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 368–376

*Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 368–376

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376>

EDN: VUIWGO

Научная статья

УДК 811.161.1

### К проблеме изменения норм современного русского языка

А. В. Дегальцева , О. Б. Сиротинина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дегальцева Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, [deganna@mail.ru](mailto:deganna@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

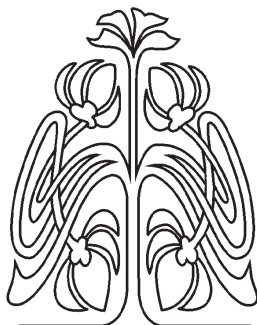
Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, [skunak@mail.ru](mailto:skunak@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

**Аннотация.** Русский язык второго и третьего десятилетий XX в. претерпевает существенные изменения. В современном цифровом мире СМИ теряют свою позицию самой влиятельной сферы коммуникации, уступая место социальным сетям, далёким от нормативности. Проведённый авторами данной статьи мониторинг состояния современной речи (разговорной, массмедийной, научной, деловой, художественной) показывает, что в ней происходит ряд изменений. Знаменательные части речи регулярно подвергаются семантическим и стилистическим трансформациям. Так, в последние десятилетия в СМИ и разговорной речи слова с атрибутивным значением могут подвергаться утрате части сем или десемантизации. Во втором случае они начинают употребляться в коммуникации как средство организации речевого контакта. По-видимому, этот процесс первичен для разговорной речи, откуда затем распространяется на другие сферы общения. Функционирование многих слов в современной русской речи отражает негативные последствия процесса её демократизации. Так, несмотря на отмечаемый О. Б. Сиротининой процесс самоочищения языка, нелитературные вкрапления, к сожалению, всё ещё проникают в литературный язык из других стран. Словарный состав русского языка активно и не всегда уместно пополняется заимствованиями (в большинстве случаев – из английского). Изменяется отношение носителей языка к норме: обращение со словом, к сожалению, становится более вольным и небрежным. Это, в свою очередь, приводит к риску обеднения языка.

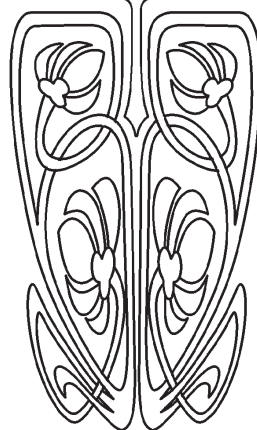
**Ключевые слова:** современный русский язык, изменения языковых норм, речь в СМИ, разговорная речь, заимствования, обеднение речи

**Для цитирования:** Дегальцева А. В., Сиротинина О. Б. К проблеме изменения норм современного русского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 368–376. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376>, EDN: VUIWGO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)



НАУЧНЫЙ  
ОТДЕЛ





Article

## On the problem of changing the norms of the modern Russian language

A. V. Degaltseva , O. B. Sirotinina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Anna V. Degaltseva, deganna@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3791-9777>

Olga B. Sirotinina, skunak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3258-4536>

**Abstract.** The Russian language of the second and third decades of the twentieth century is undergoing significant changes. In the modern digital world, the media is losing its position as the most influential sphere of communication, giving way to social networks that are far from normative. The monitoring of the state of modern speech (colloquial, mass media, scientific, business, artistic) carried out by the authors of this article shows that a number of changes are taking place in it. Notional parts of speech regularly undergo semantic and stylistic transformations. So, in recent decades, in the media and colloquial speech, words with attributive meaning lose semes or are desemantized. In the second case, they are used as communicatives. Apparently, this process is primary for colloquial speech, from where it spreads to other spheres of communication. The functioning of many words in modern Russian speech reflects the negative consequences of the process of its democratization. Thus, despite the process of self-purification of the language noted by O. B. Sirotinina, non-literary inclusions, unfortunately, still penetrate the literary language from other strata. The vocabulary of the Russian language is actively and not always appropriately replenished with borrowings (in most cases – from English). The attitude of native speakers to the norm is changing: the treatment of the word, unfortunately, becomes more liberal and careless. This, in turn, leads to the risk of impoverishing the language.

**Keywords:** modern Russian language, changes in language norms, speech in the media, colloquial speech, borrowings, impoverishment of speech

**For citation:** Degaltseva A. V., Sirotinina O. B. On the problem of changing the norms of the modern Russian language. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 368–376 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-368-376>, EDN: VUIWGO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

За свою долгую историю русский язык пережил много новаций. Сначала это были включения из старославянского (*ланиты, уста, перси* и др.), а также неполногласные слова вместо собственно русских полногласных: *млеко – молоко, град – город* (что позднее отразилось в названиях городов: *Новгород, Петроград* и под.), *пред – перед, древо – дерево* и т.п.) и соседних языков (*секира* и заимствованное закрепившееся в языке *топор, булка* и под.). Собственно русский язык не был гомогенным из-за диалектного разнообразия и широкой территориальной протяжённости (сложно было поддерживать связи между городами, например Новгородом и Киевом, не говоря уж о пути «из варяг в греки»).

Полученная с принятием христианства письменность (существовала ли она ранее в ином виде – предмет споров) не только сделала возможным бытовую переписку, но и способствовала развитию делового стиля, летописной практики, а также – что очень важно – появлению художественной литературы, письменно закрепляющей как фольклор, так и авторские произведения словесного творчества.

Затем обозначилась и надолго закрепилась разница господ и служивой дворни из-за крепостного права и связей с другими европейскими странами путём бракосочетания. В речи господ стал использоваться чужой, чаще всего французский, язык. Этот период хорошо отражён в творчестве классиков русской литературы, и прежде всего А. С. Пушкина, сыгравшего очень большую роль в развитии русского литературного

языка, чему посвящено внушительное количество лингвистических трудов. Характерно и не вполне объяснимо различное участие в этом процессе А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, почти современников. М. Ю. Лермонтов предвосхитил дальнейшее развитие русского литературного языка, поэтому его речь воспринимается современным читателем как удивительно живая, понятная.

Постепенно в русском языке выработалось разграничение его функциональных разновидностей. Стоит, правда, оговориться, что не все лингвисты согласны с теорией функциональных стилей. Так, В. Г. Костомаров на основе анализа взаимодействия стилистики ресурсов языка и их употребления в современных текстах пришёл к выводу о том, что сейчас следует разграничивать не функциональные стили речи, а конструктивно-стилевые векторы (КСВ) выбора нужного из имеющихся в языке ресурсов [1]. При этом реализация определённых КСВ в конкретном тексте зависит от уровня речевой культуры и коммуникативной компетентности его создателя.

Итак, оказались резко противопоставлены народная речь (в разных её диалектах) и речь господ (шире – речь образованных людей и неграмотного народа). Чётко обозначились различия в речи жителей старой и новой столиц России (старомосковские и петербургские орфоэпические нормы, лексические различия: *подъезд – парадная, бордюр – поребрик, эстакада – виадук, тротуар – панель* и др.).



Во времена СССР речевое противостояние городов ослабело, хотя его ещё можно было наблюдать. Так, О. Б. Сиротинина в одном из красноярских универмагов столкнулась с непониманием продавцом слова *кошелёк*. На витрине магазина лежали кошельки, подписанные как *гаманки женские*. Такие региональные различия, однако, уже не были типичны для конца XX в., а вот противостояние обязательного (нормативного) для образованного народа и разнообразного ненормативного сохранялось очень долго. Понятие нормы было выработано ещё в СССР, но постепенно начало меняться: стало менее обязательным, несмотря на всё большее создание и издание словарей разного типа.

В конце XX в. усилиями педагогов, учёных, образцовых СМИ у русских людей была сформирована «матрица долговременной памяти», в которой были отпечатаны представления о нормативной, правильной речи [2, с. 41]. Н. И. Клушина предлагает называть такую «матрицу» нормой-фреймом [3]. Она утверждает, что «норма-фрейм формируется в сознании носителя языка со школьных лет усилиями педагогов и поддерживается кодификацией в словарях и справочниках, но рашатывается, а иногда и опровергается массовым речевым узусом» [3, с. 71]. Благодаря укоренившемуся в сознании представлению о норме старшее поколение носителей русского языка легко распознаёт ошибки и отклонения в речи. К сожалению, у младшего поколения «матрица долговременной памяти» ещё только формируется, «детектор ошибок» ещё не срабатывает. А фреймирование нормы происходит в других общественно-языковых (социолингвистических) условиях» [3, с. 72]. К сожалению, сейчас отношение говорящего или пишущего к норме меняется: он использует в своей речи то, что приходит в голову первым. Норма в сознании людей отходит даже не на второй, а на какой-то не очень важный план.

Одной из главных особенностей современной русской речи является возможность быстрой коммуникации благодаря огромному количеству соцсетей разного типа, поэтому людям, использующим компьютер, запоминать ничего не надо, что негативно сказывается на эффективности их речи. Множится количество случаев непонимания собеседника.

Доступность связи на больших расстояниях обернулась прекращением заботы об эффективности речи в самых разных сферах коммуникации, включая научную, художественную, деловую, обиходно-бытовую и медийную речь (подробно эта проблема была рассмотрена в коллективных монографиях саратовских лингвистов [4, 5]). Хотя норма очень важна для любой

разновидности общения, в начале XXI в. она отходит на второй план: в сознании носителей языка уделяется всё меньше внимания форме выражения мысли.

Целью данной работы является представление результатов мониторинга русской речи последнего десятилетия XXI в. и отражение фактов изменений её норм. В центре нашего внимания оказываются такие важные сферы коммуникации, как СМИ и разговорная речь, к анализу также привлекаются материалы научной, деловой и художественной речи. Исследование проводится на основе данных собственноручных записей и национального корпуса русского языка (НКРЯ). Исследование базируется на применении интерпретативного и дискурсивного видов анализа, а также приёма количественной обработки материала.

Одним из негативных явлений, которое давно отмечается нами во многих сферах общения, стал поток заимствований, как правило, из английского языка. Наиболее явно и активно этот процесс протекает в СМИ и деловой коммуникации. С 90-х гг. XX в. «СМИ создают моду на англицизмы, причём часто используя их без объяснений» [6, с. 33]: *Шифрование, блокчейн и анонимайзер: разбираемся в ДЭГ* (Московский комсомолец (далее – МК) 03.09.2021); *Уточняется, что брендинг «Вкусно – и точка» появится на фасадах всех предприятий сети в стране* (Комсомольская правда (далее – КП) 22.07.2022); *Работники культуры в Санкт-Петербурге провели онлайн-флешмоб* (Парламентская газета (далее – ПГ) 21.05.2020). Проникает эта тенденция и в другие области коммуникации. Встречаются англицизмы в художественной и научной речи: *Тинейджеры, тиктокеры* (название стихотворения С. Э. Конева); *В 2020 году тренд на микро- и наноблогеров вырос <...>* (Насер Ф., Цой О. С. Тренды маркетинга 2020). В деловую же речь хлынул целый поток заимствований из английского языка. Это объясняется тем, что современные бизнес-процессы в большинстве случаев не могут существовать без обращения к зарубежному опыту, а в русском языке зачастую отсутствуют однословные аналоги, необходимые для адекватного выражения важных для деловой коммуникации явлений. Среди таких заимствований встречаются как термины (иногда они вводятся в текст непосредственно на языке-источнике), так и транслитерированные лексемы, по своему характеру приближающиеся к жаргонизмам (подробнее это явление описано в работе А. В. Дегальцевой [7]): *Есть ощущение, что Cost Structure неплохая* (Cost Structure – структура затрат); *Законипасти все это и отправь мне* (от англ. copy-paste: copy – копировать + paste – вста-



вить) (записи деловой коммуникации, сделанные А. В. Дегальцевой в 2015–2020 гг.). Заимствований в разных сферах общения стало так много, что, по мнению проф. М. А. Кормилициной, не знающим английского языка даже газету читать стало невозможно. О. Б. Сиротинина признаётся, что лет десять назад ещё с удовольствием читала английскую художественную литературу свободно, сейчас же многих слов в русских газетах понять не может.

Если продолжать разговор о деловой коммуникации, следует отметить, что одним из очевидных изменений, происходящих в ней, является снижение официальности. Этот процесс проявляется в использовании разговорных, разговорно-сниженных, жаргонных слов и выражений (*фотки, глючить, зависать, комп*), фамильно-дружеских формул обращения (*ребята, девочки, пацаны*), приветствия (*Привет!; Хелло!*) и прощания (*Давай(те)!*), а также в усилении субъективности и категоричности высказываний. В связи с этим лингвистам представляется возможным говорить не только об официально-деловом, но и о полуофициальном [8, 9] и неофициальном рабочем общении [10]).

По наблюдениям О. Б. Сиротининой, в русских газетах, на радио и в телепередачах отмечаются изменения в квалификации тех или иных слов как общеупотребительных или недопустимых; представлены они и в словарях. Так, слово *схожий* в толковом словаре под ред. Н. Ю. Шведовой помечено как просторечное и устаревшее [11], тогда как в «Большом универсальном словаре» под ред. В. М. Морковкина [12] и в «Современном толковом словаре» под ред. С. А. Кузнецова [13] оно определяется как разговорное. По-видимому, такое «передвижение» данного слова отвечает реальному употреблению, что связано «с его большей, чем у литературных синонимов, диффузностью значения» [14, с. 153]. Таким образом, «кодификация не всеильна: с одной стороны, слишком мало людей к ней обращаются, и с другой, – она вынуждена меняться примерно каждые 10 лет из-за смены поколений и норм» [15, с. 52]. Согласно данным мониторинга, регулярно проводимого О. Б. Сиротининой, в последние годы прилагательное *схожий* и существительное *схожесть* активно функционируют в медийной речи. В газетном подкорпусе НКРЯ слово *схожий* представлено 895 употреблениями, *схожесть* – 659: *Использование фитосигарет будет иметь схожий с табачными изделиями эффект* (МК 03.05.2022); *Правда, жары в день экскурсии не было, а аромат, схожий с тем, на который жалуются жители, имел лишь почвогрунт* (МК 26.07.2022); *Что касается нашего коллектива, то я считаю, что очень важно, чтобы*

*было взаимопонимание и схожесть характеров* (МК 31.07.2022); *Именно Александру приписывают невероятную схожесть с Киркоровым* (МК 15.04.2022); *Учитывая схожесть текущей ситуации с 2008-м и 2014–2015 годами, справедливо говорить о вероятном диапазоне спада обрабатывающей промышленности в 2022 году на 10–15%, а на пике возможно и больше* (МК 15.07.2022).

В современной медиаречи наблюдаются количественные и качественные изменения в области наречной лексики. Так, бросается в глаза очень широкое использование, наряду с частотным *весьма*, наречия *абсолютно*. В основном подкорпусе НКРЯ адвербиальная лексема *весьма* представлена 86 181 употреблением, *абсолютно* – 17 771. В газетном подкорпусе «разрыв» между употреблением этих наречий значительно меньше. Согласно данным НКРЯ, *весьма* встречается в СМИ 73 398 раз, тогда как *абсолютно* – 65 305. Во многих сферах общения *весьма* и *абсолютно* становятся практически взаимозаменяемыми словами, что теперь находит отражение даже в их сочетаемости: *Однако, как выяснилось, учебники нередко содержат весьма странную информацию* (ПГ 02.09.2021); *Абсолютно странная идея – плавающий курс рубля* (ПГ 24.10.2014); *Абсолютно своеобразный язык, на котором представляются результаты географического исследования – карта* (Тютюнник Ю. Г. География как фундаментальная наука); *Это привело к существенным рискам, но их пытаются нивелировать весьма своеобразным способом, активно субсидируя экономически неэффективные проекты альтернативной энергетики* (Ведомости 12.12.2021).

«Болевыми точками» в системе русских наречий являются слова *довольно* и *достаточно*. В словарных толкованиях этих слов нет необходимой для их разграничения запрещающей наглядности. Дело в том, что при нормативном употреблении слова *достаточно* необходимо реализовать его обязательную валентность (*для чего?*) и употреблять его в функции главного члена предложения, а не обстоятельства меры и степени признака. В ряде словарей, к сожалению, нет чётких указаний на то, как правильно употреблять это слово. Кроме того, среди составителей словарей разных лет и разных типов не существует единого мнения о том, какая функция – сказуемого или обстоятельства – является для этого слова первичной, равно как и о том, необходима ли для нормативного употребления слова *достаточно* реализация валентности «для чего». Так, в словаре С. И. Ожегова приводятся четыре типа употребления слова *достаточно*: 1. нареч. от *достаточный* в значении ‘удовлетво-



ряющий потребностям, необходимым условиям': *Достаточно* (нареч.) *умён* 2. *Достаточно* в знач. сказ., кого-чего или с неопр. О том, что проявляется в необходимой мере, имеется в нужном количестве. *Сил ещё достаточно. Достаточно слова, чтобы он послушался. Достаточно увидеть, чтобы понять.* 3. *Достаточно* в знач. сказ. кого-чего или с неопр. *Пора прекратить делать что-нибудь; будет, хватит. Достаточно болтовни (болтать)!* 4. *Достаточно.* Частица. То же, что будет. *Замолчи! Достаточно!* [16, с. 180]. В словаре Н. Ю. Шведовой приводится идентичное толкование этого слова [11, с. 212]. В словаре под ред. В. М. Морковкина для наречия *достаточно* в качестве первичной, типовой указывается функция сказуемого, но допускается его употребление и в качестве обстоятельства, синонимичного наречию *довольно*, хотя слово *довольно* в значении 'столько, сколько надо, сколько требуется' имеет в данном словаре помету «устаревшее» [12, с. 260]. В словаре под ред. В. В. Лопатина, напротив, в качестве основной квалификации слова *достаточно* указывается обстоятельство, а функция сказуемого приводится как вторичная. При этом среди примеров типичных употреблений лексемы *достаточно* приводятся такие словосочетания, как «*достаточно большой, достаточно известный, достаточно обеспеченный*» [17, с. 179]. Как уже неоднократно отмечала О. Б. Сиротинина, «если сказано о достаточности чего-то положительного, это ещё можно понять и <...> даже принять, хотя и это ошибка», но «как понять *достаточно плохо* или *достаточно много* преступлений (где предел, для установления которого достаточно чего-то?). Именно поэтому в словарное толкование слова *достаточно* следовало бы ввести для чего (*Достаточно много преступлений такого типа, чтобы принять поправки к закону*)» [15, с. 41]. В XXI в. вследствие постепенной диффузии речи *достаточно* стало употребляться не только без указания «для чего», но и с явным значением неопределённости. В разных сферах общения оно ненормативно расширяет сферу своего употребления и, соответственно, лексическую сочетаемость. Встречаются такие неправильные употребления не только в разговорной, но даже в научной речи: *Согласно биографии Эйнштейна, в школе он учился достаточно плохо, но это не помешало ему создать теорию относительности и стать всемирно известным учёным* (Петрова В. В. Синдром дефицита внимания и гиперактивности: причины, основные методы лечения); *Это большая проблема на уровне муниципалитетов, поскольку тех специалистов, которые вернулись и работают после окончания вуза в малых городах, достаточно мало* (Роговая А. В., Лев-

ченко Н. В. Образование, занятость и досуг как факторы миграции молодёжи из малых городов). В СМИ, несмотря на преобладание наречия *очень* (на него приходится 675 861 употребление в газетном подкорпусе НКРЯ), конкурируют наречия *довольно* и *достаточно*. При этом журналисты отдают предпочтение именно слову *достаточно*. Оно представлено 148 403 словоупотреблениями в газетном подкорпусе НКРЯ, тогда как *довольно* встречается в нём 81 751 раз. *К Ивану Грозному я отношусь достаточно плохо, как и большинство русских, во всяком случае русской интеллигенции* (Новая газета 05.07.2017); *Это хорошее заживляющее средство, но сам по себе хитозан достаточно плохо останавливает кровь* (Известия 12.04.2014); *Горелкин отметил, что маркетплейсов и бирж игровых товаров в российском сегменте достаточно много* (ПГ 11.11.2021); *Другого качества люди (нужны), с другой зарплатой, меньше мигрантов, которых у вас достаточно много на сегодняшний день* (Ведомости 17.11.2021); *Имеются отличные продукты, но достаточно много откровенного фальсификата и просто брака* (ПГ 11.11.2021). Ненормативное сочетание *достаточно много* вообще насчитывает 3420 употреблений в газетном подкорпусе НКРЯ!

Несмотря на это, согласно мониторингу языковых процессов, проведённому О. Б. Сиротининой, около 10 лет назад среди наречий, выражающих степень проявления признака или состояния, стало наблюдаться возрождение «синонимического разнообразия вместо модного единообразия» [15, с. 101]. Так, вместо «модного обстоятельства меры / степени *крайне* вновь начинают употребляться не только уже преобладающее обобщённо-диффузное *очень*, но и *ужасающе огромный, предельно жёсткий, вызывающе безобразный* и т.д.» [15, с. 101]. Приведённые примеры свидетельствуют о том, что в русском языке активно и регулярно употребляются наречия, которые «образуют переходный, промежуточный тип между качественными и обстоятельственными классами наречий, прыгая то к тому, то к другому» [18, с. 308]. Данный тип пополняется за счёт активного в современном русском языке процесса приобретения квалификативными адвербиальными лексемами количественных значений. Среди таких наречий можно назвать *адски, безумно, безбожно, дико, катастрофически, люто, микроскопически, немислимо, невыносимо, неистребимо, нестерпимо, неумно, неуловимо, откровенно, страшно, сумасшедше, ужасающе, чертовски, чудовищно* и многие другие: *Мне невыносимо больно, но я никогда не сдамся* (КП 18.10.2019); *Запaska висит на открывающейся вправо двери, но вну-*



три места все равно **микроскопически** мало (КП 14.06.2013); *Раньше был Союз чудовищно богатая империя*// (НКРЯ); *Менеджеру придется читать резюме даже тех людей, которые **откровенно** не соответствуют требованиям вакансии* (Гизатуллина Р. Р. Разработка онлайн-сервиса по поиску работы и сотрудников) и др. Конечно, случаи использования качественных наречий для выражения интенсивности проявления признака наблюдались в русском языке ещё в позапрошлом столетии: *Сегодня бурлеск – дико модно на островах* (И. В. Мальцев. Путешествие виски: Легенды Шотландии, 1821 г.); *Около 12 часов мы ехали пятьдесят с небольшим вёрст и прибыли в Ополье **адски** голодными* (А. В. Дружинин. Дневник, 1845 г.); <...> *для них отделиваются великолепные мраморные залы; для них на всех перекрёстках приклеиваются **чудовищно** гигантские афишки* <...> (П. В. Анненков. Письма из-за границы, 1841–1843 гг.). В современном русском языке, однако, некоторые из таких наречий используются в раннее не типичных для них контекстах: *Он был худой и **страшно красивый**, несмотря на чёрные подглазья* (И. Сахновский. Заговор ангелов, 2009 г.); *Он был **чудовищно красивый*** (А. Эрде. Мой ответ Сергею Панарину, 2010 г.); *С недавних пор я **люто люблю** панджаби* (название стихотворения Д. Рогова, 2015 г.); ***Люто люблю** такое блюдо, и во время обеда съест его – самое то* (форум: <http://gorodskoportal.ru/ufa/blog/?page=9>, 2013 г.); *И среди всего спектра зависти, **крайне люто воспринимались**, да и сейчас воспринимаются, частые поездки москвичей за рубеж* (С. Боровиков. Твори, выдумывай, не пробуй!, 2012 г.); *Проход **люто** мечтает разбогатеть* (КП 15.03.2021); *Это было **адски интересно*** (В. Смехов. Театр моей памяти, 2001); *«Где вы живёте?» – «В бане. **Адски шикарно!**»* (В. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург, 2012).

Приведённые примеры (а их огромное множество) явно отражают две противоположные стороны одной тенденции: во-первых, стремление адресанта проявить ничем не ограниченное речевое своеобразие, во-вторых – обобщённо охарактеризовать разные ситуации (чаще всего – негативные). Именно вторая причина порождает употребление наречий типа **крайне** в контекстах, не предназначенных для выражения негативного отношения адресанта к передаваемой им информации (**крайне удобно, крайне весело, крайне просто**), а также случаи использования наречия **достаточно** для выражения признака, проявляющегося в полной мере (**достаточно удобно, достаточно весело, достаточно вкусно**). Все эти употребления, конечно, ненормативны, однако весьма частотны не только в разговор-

ной речи (когда у говорящего нет времени на предварительное продумывание, поиск точного выражения мысли), но и в других сферах общения: *И вопросы, связанные с конкуренцией как социально-экономическим явлениям он решает **крайне просто*** <...> (Разу М. Л., Филиппов А. В. Конкуренция как универсальное условие прогресса); *Сначала по неопытности может показаться, что выбрать тему **крайне легко и просто**, но на самом деле, это весьма трудный и, главное, ответственный шаг* (Лукина М. М. Постановка проблемы и выбор темы как начало исследования); *По этой причине в Иране **достаточно часто** происходят землетрясения, которые в большинстве случаев становятся разрушительными* (Официальная памятка российским гражданам об особенностях нахождения в Иране).

По нашим наблюдениям, в последние десятилетия в «нестрогих» сферах общения некоторые слова могут подвергаться утрате части сем или десемантизации (употребляясь в коммуникации как средство организации речевого контакта). По-видимому, этот процесс берёт начало в разговорной речи, откуда затем распространяется на другие сферы общения [19, 20]. Так, наречия *тупо* и *реально* из сленга [21] проникают в разные сферы русского литературного языка. В речи современной молодёжи они функционально заменяют частицы *лишь, просто* или выступают в роли хезитативов: *Она уже десятый раз/ просто берет/ и **тупо** не приходит!*; *Вдруг понимаю/ что вот она/ моя мечта/ попасть на один из турниров <...> и/ конечно же/ **тупо** пожрать клубнику со сливками на Уимблдоне*; *Ну вот/ она мне даёт такие же/ токо продолговатые/ ну **реально** принесла!*; *Это забавно/ это **реально** как бы круто/ смешно!* (НКРЯ). Подобные употребления данных наречий проникают и в другие сферы общения. Так, на молодёжном научном конкурсе микробиолог А. И. Шестаков использует хезитатив *тупо* с целью реализации стратегии сближения с аудиторией: *В первую очередь/ микробы **тупо** нас кормят!*; *А вдруг выясняется/ что появляется язвенный колит – **тупо** дырка!* (НКРЯ). Встречаются подобные употребления и в СМИ. Так, в заголовке статьи Ю. Калининой обнаруживаем наречие *тупо* в значении, свойственном сленгу: **Тупо** завалить Россию мусором: с 1 января стране грозит проблема (МК 05.12.2018). В тексте данной статьи такое употребление слова *тупо* повторяется ещё несколько раз: *Россия каждый год создаёт 70 млн тонн отходов. 90% из них **тупо** вываливается на свалках и там гниёт, тлеет, горит <...>*; *В Южной Корее на мусорных полигонах остаётся только 16% отходов <...> В Швеции – и вовсе 1%.*



При том, что лет 20–25 назад там тоже **тупо** возили весь мусор на полигоны – так же, как мы сейчас; Потому что **тупо** возить мусор на полигоны гораздо выгоднее, чем его перерабатывать и утилизировать.

Как известно, в XX в. и начале XXI в. СМИ являлись самой влиятельной сферой коммуникации, «четвёртой властью» (сейчас им на смену приходят соцсети). В последние десятилетия стилистический облик масс-медиа подвергся влиянию трансформационных процессов. К основным из них можно отнести «субъективизацию; подчёркнутую, хотя и не реализованную объективность <...>; интерактивность; а также демократизацию и интеллектуализацию языка», что обусловлено «не только экстралингвистическими факторами, но и внутренними преобразованиями, происходящими в современных средствах массовой коммуникации» [22, с. 72]. Функционирование многих слов в современной русской речи отражает некоторые негативные последствия процесса демократизации русского языка. Несмотря на отмеченный О. Б. Сиротиной процесс самоочищения языка [15], нелитературные наречия, к сожалению, всё ещё проникают в литературный язык из других страт. Конечно, это происходит уже не так часто, как несколько лет назад [15]. Тем не менее, просторечное (**в**) **аккурат**, появившееся в 90-х гг. XX в., до сих пор встречается в разных сферах общения. Помимо разговорной речи, оно регулярно употребляется в СМИ. Согласно данным газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка, «всплеск» употреблений лексемы **аккурат** приходится на 2001–2007 гг. В течение же 2017–2020 гг. количество случаев использования журналистами данного наречий сократилось на треть. Тем не менее, эта нелитературная лексема до сих пор активно функционирует в современной прессе: *А **аккурат** в день презентации проекта выяснилось, что он – дедушка депутата Госдумы от Крыма Светланы Савченко* (ПГ 12.04.2021); *Инцидент произошёл **аккурат** во время речи Лиз Трасс* (МК 27.07.2022); *В августе, **в аккурат** на 300-летие образования фабрики, ожидается открытие «Бузеона» – уникального музея бумаги.* (Известия 15.07.2018). Наречие **аккурат** проникает даже в научный и деловой дискурс носителей языка, не осознающих нелитературный характер этой лексемы: *Проект был запущен в 2007 году, то есть **аккурат** в канун кризиса* (Д. Волков. Атмосферное явление); ***Аккурат** в духе сочинений А. А. Власова, якобы в СССР существует оппозиция...* (Петрович В. Генерал Власов – предатель или герой?); *Коллеги/ мы с вами успели сдать отчёты **в аккурат** к*

первому числу// (записи деловой коммуникации, сделанные А. В. Дегальцевой в 2015–2020 гг.).

Кроме того, не только в современной речи, но и в СМИ, и даже в научных текстах нередко встречаются уродливые адвербиальные образования **в лёгкую, по жизни, без напряжения, от балды, в доску, по чесноку, по приколу, на фиге, на халяву** и под., свойственные просторечию, жаргону и сленгу [21]: *Понятно, что самое главное право – право на жизнь, но право собственности, которое всегда считалось незыблемым, тоже отменено. **В лёгкую**, как по щелчку* (МК 26.04.2022); *Поскольку кинетическая позиция динамична, педагог в главном должен быть «впереди», в авангарде <...>. В итоге **по жизни** с препятствиями «вместе»* (Казакова Н. Е. Задачи воспитательной деятельности в современной образовательной); *<...> кто, кому и сколько «**по чесноку**» должен – во многих случаях совершенно непонятно* (МК 17.02. 2019); *Иногда просто **по приколу** издевались* (МК 05.12.2021); *Паспортные данные указали **от балды*** (КП 21.07.2021); *Ты живёшь в другой стране, с другой культурой – **на фиге** тебе это?* (Известия 25. 09.2020); *Просто удивительно, когда ученик к 9-му классу **этаким гуманитарий «в доску»*** (lenta.ru 14.02.2018). Возможно, что, используя такие нелитературные лексемы, журналисты пытаются реализовать стратегию сближения с массовым адресатом. Им, однако, не стоит забывать об огромном влиянии, которое СМИ оказывают на формирование языкового вкуса россиян. Следовательно, сотрудникам медийных изданий необходимо более ответственно и обоснованно подходить к форме передачи информации. Способствовать этому должно повышение уровня речевой культуры сотрудников СМИ.

Наши наблюдения показывают, что даже в авторитетном общественно-политическом издании Федерального Собрания РФ «Парламентская газета» встречаются речевые ошибки и стилистические погрешности. Приведём примеры: *Если человеку хочется **запастись** продуктами **впрок** и ему будет так спокойнее – пожалуйста, пусть покупает* (ПГ 09.12.2020); *В 2015 году всех потрясла трагедия, когда в Челябинске 15-летний школьник по описанным выше причинам **на смерть зарезал мать** и тяжело ранил отца* (ПГ 15. 09.2021); *Вот Климкин и радуется, что кто-то с кем-то воюет и кому-то, как ему кажется, может быть **достаточно плохо*** (ПГ 16.12.2017); *Ниже я покажу, как удивительно **схоже** сегодня, по лекалам Черчилля, разворачивается стратегия байденовских глобалистов* (ПГ 05.03.2021).



Свобода самовыражения создала один из опасных рисков обеднения языка. Так, в современной русской речи всё реже проявляется синонимическое богатство нашего языка. Как мы уже отмечали, «в русском языке существовали близкие по передаваемому смыслу синонимы, обозначавшие разные оттенки признака действия:  *снова, опять* – подчёркивающие аспект повтора (*опять* в большей степени подчёркивает тождественность действия), *по-новому* – подчёркивающее, что действие не просто повторяется, а происходит в новых условиях или иначе. 90-е гг. породили «новое» слово – *по новой*, в котором не было нужды, так как никакого особого смысла оно не передавало, было дублетным по отношению к  *снова, опять*, но стало очень частотным, так как не требовало умственных усилий – поиска точного синонима» [15, с. 39]. К сожалению, наречие *по новой*, согласно данным нашего нового мониторинга речи (2020–2022 гг.), проникает уже не только в СМИ, но даже и в научную коммуникацию: *Опоздаешь на минуту – и всё, запись обнуляется, записывайся по новой* (МК 05.07.2022); *Вначале планы декларируются, затем не сбываются, после чего всё происходит по новой* (Ведомости 05.04.2021); *Г. Киссинджер нацеливал на это правительство Гайдара ещё в 1992 г. По их же мнению, катастрофа даёт шанс начать по новой* (Ищенко Н. С. Проблемы экономической и информационной безопасности).

В «нестрогих» сферах общения из синонимического ряда  *происшествие – случай – явление – событие – ситуация*, по нашим наблюдениям, активно стало употребляться слово *ситуация*. Согласно данным основного корпуса НКРЯ, употребления слова *случай* составляют 41 879, тогда как существительное *ситуация* встречается 12 615 раз. В современных СМИ, напротив, существительное *ситуация* обладает большей частотой употребления. На него приходится 156 614 употреблений в газетном подкорпусе НКРЯ. Слово же *случай*, по данным НКРЯ, встречается в медийных изданиях лишь 64 862 раза. Таким образом, можно констатировать, что слово *ситуация* употребляется в СМИ в 2,4 раза чаще, чем *случай*. По-видимому, это объясняется тем, что для описания социально значимых событий в сознании носителей языка чаще возникает слово *ситуация*: *Официальный представитель Министерства иностранных дел России Мария Захарова тогда заявила, что ситуация с модерацией контента на американских IT-платформах достигла смыслового и технологического тупика* (Ведомости 13.03.2021); *Однако в ФРГ в тот же день сказали, что ситуация с сертификацией Nord Stream 2 AG с середины ноября не изменилась* (Ведомости 29.12.2021). Слово *случай* в

современных СМИ сейчас употребляется в основном в значении ‘факт проявления чего-либо’. В последние годы оно активно функционирует в материалах, посвящённых COVID-19: *В Петербурге за последние сутки выявили 2501 новый случай заболевания коронавирусом, сообщил оперативный штаб* (Ведомости 08.10.2021); *На данный момент на АУ. 4.2, которому Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) ещё не присвоила букву греческого алфавита, приходится каждый десятый случай заражения* (Ведомости 10.10.2021).

Итак, современная «информационная эпоха» сопровождается сменой культур, которую мы сегодня наблюдаем: от традиционной книжной – к медийной, экранной» [3, с. 75]. Повседневное и публичное общение по-прежнему остаются значимыми сферами жизни, научная и художественная речь «принципиально неактуальны», актуальность же деловой речи во многом зависит от её конкретной разновидности [6, с. 37]. Современные СМИ, представленные как в печатном, так и в электронном виде, перестают быть самой влиятельной сферой коммуникации. На смену им приходят ещё более далёкие от нормативной речи социальные сети.

Нормы современной русской речи претерпевают существенные изменения. Знаменательные части речи регулярно подвергаются семантическим и стилистическим трансформациям. Словарный состав русского языка активно и не всегда уместно пополняется заимствованиями (в большинстве случаев – из английского языка). Изменяется отношение носителей языка к норме: обращение со словом, к сожалению, становится более вольным и небрежным. Это, в свою очередь, приводит к риску обеднения языка.

Современный русский язык второго и третьего десятилетий XXI в. уже не совсем тот, что был ещё недавно, в конце XX в. Конечно, меняется в жизни всё, в том числе и языки, на которые существенно влияют изменения в условиях их функционирования. Сначала язык используется только для непосредственного общения, создаются зарубки на деревьях для закрепления информации. С изобретением письменности наблюдается значительное расширение возможностей общения на расстоянии и во времени. Ведь представить себе современные возможности общения даже за пределами Земли, скажем, во времена А. С. Пушкина или даже Л. Н. Толстого, было совершенно невозможно! Сейчас, конечно, это уже обыденность. Вместе с тем исчезает необходимое запоминание всего того, с чем встречается человек, в том числе с выработанными веками возможностями общения, представлениями о норме. Разнообразие норм





зависит от наличия разных языков, форм речи (устной, письменной, цифровой), цели общения (бытовой разговор, научное сообщение, деловое общение, создание художественного произведения и т.д.). Всё это и определяет характер норм.

Конечно, на поддержание и сохранение норм русского языка влияют образование, законотворчество, СМИ. Тем не менее, нормативность речи зависит от осознанного отношения каждого из нас к своей речи, от интереса к родному языку и заботы о нём.

### Список литературы

1. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.
2. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2007. 383 с.
3. Клушина Н. И. Медиастилистика. М. : Флинта, 2018. 184 с.
4. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилицыной. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. 236 с.
5. Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2021. 256 с.
6. Сиротинина О. Б. К вопросу о функционально-стилевых различиях в русском языке и речи в XXI в. // Актуальные проблемы стилистики. 2019. № 5. С. 27–39.
7. Дегальцева А. В. Основные тенденции развития электронной деловой переписки // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2015. Вып. 15. С. 46–54.
8. Бобарыкина Н. А. Общение в малой группе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 32 с.
9. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М. : Академия гуманитарных исследований, 2005. 228 с.
10. Байкулова А. Н. Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов : ИЦ «Наука», 2012. 196 с.
11. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011. 1174 с.
12. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. М. Морковкина. М. : Словарь XXI века ; АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 1456 с. (Фундаментальные словари).
13. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. М. : Норинт, 2008. 1536 с.
14. Сиротинина О. Б., Матяшевская А. И. К чему может привести стремление к экономии речевых усилий в коммуникации на русском языке? // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 150–164.
15. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2013. 116 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М. : Русский язык, 1990. 921 с.
17. Лопатин В. В., Иванова О. Е. Русский орфографический словарь: Около 200 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 896 с.
18. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М. : Русский язык, 2001. 720 с.
19. Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса. Саратов : ИЦ «Наука», 2015. 404 с.
20. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1981. 277 с.
21. Савёлова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия : дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 2009. 386 с.
22. Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Язык СМИ. 3-е изд., стер. М. : Флинта, 2015. 96 с.

Поступила в редакцию 07.08.2022; одобрена после рецензирования 14.08.2022; принята к публикации 01.09.2022  
The article was submitted 07.08.2022; approved after reviewing 14.08.2022; accepted for publication 01.09.2022